**КОВАЛЬЧУК
Людмила
Борисовна**

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Институт экономических исследований ДВО РАН,
ул. Тихоокеанская, 153,
Хабаровск, Россия, 680042

**KOVALCHUK
Lyudmila
Borisovna**

Candidate of science
(economics), senior research
fellow

Economic Research Institute
FEB RAS,
153, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680042

Kovalchuklb@mail.ru

Ковальчук Л.Б., 2021

УДК 332.14

ДИАГНОСТИКА НЕРАВЕНСТВА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ СУБЪЕКТОВ РФ

Расширение границ ДФО за счёт включения в его состав Забайкальского края и Республики Бурятия актуализирует проблему неравенства регионов (прежде всего в социальной сфере), которое в новых границах макрорегиона значительно усилилось и приобрело «сверхнормативный» характер. Установлено, что отставание «новых» дальневосточных субъектов в уровне социального развития сопровождается усилением негативных явлений в социальной сфере. Обоснована необходимость реализации комплекса мер, позволяющих сформировать «коридор возможностей», который регионы смогут использовать, в том числе и в рамках межрегионального взаимодействия в составе ДФО.

Неравенство, социальное развитие, выравнивание, отставание, диагностика, деградация

DIAGNOSTICS OF INEQUALITY IN THE SOCIAL SPHERE OF THE FAR EASTERN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

The expansion of the borders of the Far Eastern Federal District due to the inclusion of the Trans-Baikal Territory and the Republic of Buryatia in its composition actualizes the problem of inequality of regions (primarily in the social sphere), which in the new boundaries of the macroregion has significantly increased and has acquired a «supernormal» character. It has been established that the lag of the «new» Far Eastern subjects in the level of social development is accompanied by an increase in negative phenomena in the social sphere. The necessity of implementing a set of measures to form a «corridor of opportunities» that regions can use, including within the framework of interregional interaction within the Far Eastern Federal District, has been substantiated.

Inequality, social development, alignment, lag, diagnostics, degradation

Введение

Неравномерность социального развития дальневосточных субъектов РФ является существенным препятствием для комплексного развития экономики, создания сбалансированного хозяйственного комплекса, обеспечивающего долговременное устойчивое развитие макрорегиона. Для ДФО, занимающего с ноября 2018 г.¹ самую большую часть территории страны и обладающего значительным природно-ресурсным потенциалом, сбалансированность хозяйственного комплекса в условиях удалённости от основных экономических центров страны определяет возможности достижения устойчивых темпов экономического роста и представления интересов РФ в бассейне Тихого океана. В данном контексте диагностика неравномерности социального развития дальневосточных регионов представляется весьма актуальной.

Целью диагностики является определение степени дифференциации дальневосточных субъектов РФ по уровню социального развития.

Расширение границ ДФО за счёт включения в его состав регионов Восточной Сибири не только обострило актуальность диагностики внутрирегионального неравенства, но и поставило ряд приоритетных задач: во-первых, установить наличие неравенства в социальном развитии присоединённых и прочих субъектов РФ в составе ДФО, во-вторых, оценить характер этого неравенства и в-третьих, оценить возможность достижения опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока в условиях имеющегося внутрирегионального социального неравенства.

Теоретическая основа исследования

С позиций теорий пространственного развития дифференциация является закономерным результатом использования имеющихся конкурентных преимуществ. В моделях И. Тюнена, В. Кристаллера, А. Вебера конкурентными преимуществами, обуславливающими проявление неравенства в развитии территорий, называются: близость к источникам сырья, рынкам сбыта, величина объектов и, соответственно, их сила притяжения факторов производства [9; 11].

С точки зрения П. Фридмана, Ф. Броделя, И. Валлерстайна, пространственное неравенство обусловлено концентрацией на определённых территориях человеческих, финансовых и природных ресурсов, обеспечивающих возможность создания инноваций, способствующих опережающему развитию этих территорий и формированию центров развития [13]. Вокруг таких центров на различных расстояниях располагаются менее развитые территории, образующие полупериферию и периферию. Инновации распространяются на полупериферию, сокращая её отставание от центра. Утверждается, что при изменении геополитических, экономических или технологических условий полупериферии смогут стать новыми центрами, а периферии – никогда, в связи с отсутствием достаточного числа конкурентных преимуществ.

В 1990-е гг. П. Кругман, М. Фуджита и Э. Венаблс разделили факторы, обуславливающие формирование конкурентных преимуществ, на две группы. Факторы «первой природы» создают конкурентные преимущества, связанные с обеспеченностью природными ресурсами и выгодным географическим положением. Факторы «второй природы» связаны с деятельностью человека [12; 13]. Во-первых, это агломерационный эффект. Крупный город отличает-

¹ См. Указ Президента РФ № 632 от 3 ноября 2018 г. «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утверждённый Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849».

ся не только высокой численностью населения, но и большим разнообразием потребителей, производителей и обменов между ними. Во-вторых, это человеческий капитал, включающий здоровье, образование, мотивации населения, обуславливающие его мобильность и адаптивность. В-третьих, это институты, то есть формальные и неформальные нормы и правила (по Д. Норту), по которым живёт общество. Н. Зубаревич добавляет к факторам «второй природы» инфраструктуру. Наличие инфраструктуры (энергетической, транспортной, производственной и социальной) для такой большой в территориальном отношении страны, как Россия, вне всякого сомнения, является фактором развития [1].

Таким образом, наличие в регионе определённых ресурсов, обуславливающее превосходство над другими регионами, представляется его конкурентным преимуществом. При этом использование имеющихся конкурентных преимуществ формирует неравенство регионов, неоднородность пространства.

В условиях такой неоднородности, как отмечают В. Лексин и А. Швецов, значение имеют не сами различия или их уровень, а «мощная динамика» спада или отставания экономики и (или) социальной сферы от экономики и (или) социальной сферы других регионов [4, с. 32].

При расширении границ федеральных округов и формировании макрорегионов, «включённые» территории усиливают дифференциацию пространства не только с точки зрения имеющихся у них конкурентных преимуществ и (или) уровня социально-экономического развития, но и с точки зрения характера этого развития (прогресс / регресс). Эти особенности выводят исследование неравномерности за рамки понятий «неравенство» или «дифференциация» и обуславливают необходимость в определённом их расширении, в частности, за счёт использования определения «сверхнормативное» неравенство. В контексте настоящего исследования «сверхнормативное» неравенство используется для обозначения различий, вызывающих регресс в развитии территории.

Формальным индикатором неравенства, который наиболее часто используется в межрегиональных сравнениях, является коэффициент вариации. Если значение коэффициента вариации показателя сравниваемых регионов превышает 33%, то фиксируется неравенство. Вывод относительно его «сверхнормативного» характера и существенного отрицательного влияния на пространственное развитие всей социально-экономической системы, должен опираться, как представляется, не только на формальные показатели дисперсии или вариации, но и на системное исследование динамики указанных индикаторов неравенства, позволяющих диагностировать дивергентные тренды в развитии экономической или социальной сферы территорий макрорегиона, сопровождающиеся различными патологическими явлениями.

Таким образом, в пространстве макрорегиона, территории объективно имеют различные конкурентные преимущества, которые формируют неравенство в их социально-экономическом развитии. При этом могут появляться дивергентные тренды в социально-экономическом развитии регионов, обуславливающие негативные процессы и явления в экономике или социальной сфере. Неравенство регионов, характеризующееся дивергентной динамикой в их социально-экономическом развитии, представляется «сверхнормативным» неравенством, диагностика которого является важной и актуальной задачей пространственных исследований.

Анализ статистических данных

В целях диагностики «сверхнормативного» неравенства необходимо определить показатели, сравнительный анализ которых будет осуществляться в динамике, позволяющей выявить дивергенцию.

Полагаем, что диагностика «сверхнормативного» неравенства в социальной сфере может опираться на следующие показатели: общие коэффициенты рождаемости и смертности; коэффициент миграционного прироста; обеспеченность и доступность учреждений здравоохранения, образования и культуры; уровни жизни и безработицы; показатели состояния научно-исследовательского сектора.

Диагностика «сверхнормативного» неравенства (отставания) может выполняться на основе сопоставления значений указанных выше показателей социально-экономического развития региона со средними значениями по России и макрорегиону. Совокупность показателей-индикаторов представлена в *таблице 1*.

Таблица 1

Индикаторы развития социальной сферы
экономического пространства региона

№	Направление	Показатель
1.	Культура	Число учреждений культуры
		Число посещений учреждений культуры
		Число участников культурно-досуговых мероприятий учреждений культуры
2.	Социально-экономическое (доходное) неравенство	
2.1	Безработица	Уровень безработицы, %
2.2	Доходное расслоение	Среднедушевые доходы, рублей
		Отношение средней заработной платы к величине прожиточного минимума, %
2.3	Обнищание населения	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности населения
3.	Демографические процессы	
3.1	Естественное движение населения	Коэффициент рождаемости, ‰
		Коэффициент смертности, ‰
3.2	Механическое движение населения (миграция)	Коэффициент миграционного прироста на 10 тыс. человек населения
4.	Здравоохранение	Заболеваемость на 1 тыс. человек населения
		Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений на 10 тыс. человек населения, посещений в смену
		Численность населения на одну больничную койку, человек
		Нагрузка на работников сферы здравоохранения (на одного врача / работника среднего медицинского персонала), человек

Продолжение таблицы 1

№	Направление	Показатель
5.	Образование	Число организаций, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования
		Удельный вес обучающихся во вторую и третью смены в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам начального, основного и среднего общего образования, %
		Численность студентов, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена на 10 тыс. человек населения, человек
		Численность студентов, обучающихся по программам высшего образования на 10 тыс. человек населения, человек
		Охват профессиональным образованием, %
6.	Научно-инновационные процессы	
6.1	Разработка и реализация проектов в области НИОКР	Разработанные передовые производственные технологии
		Затраты на научные разработки, тыс. рублей
6.2	Подготовка кадров для научно-исследовательского сектора	Численность занятых, тыс. человек
		Выпуск специалистов с высшим образованием, тыс. человек

Источник: составлено по методологическим пояснениям к официальным статистическим публикациям Росстата.

При выборе показателей мы исходим из того, что основным обобщающим результативным показателем развития социальной сферы территориальной системы представляется человеческий капитал. Роль человеческого капитала определяется не только его вкладом в ВРП, но и тем, что он является условием обеспечения социальной мобильности людей, повышения их жизненных шансов. Опираясь на понятие «человеческий капитал», введённое в научный оборот Т. Шульцем и Г. Беккером, выделим в структуре человеческого капитала элементы, которые, по нашему мнению, необходимо диагностировать в первую очередь, в связи с тем, что они обеспечивают человеку возможность достижения целей получения дохода либо удовлетворения потребностей развития [10]. Такими элементами, с нашей точки зрения, являются: биофизические параметры, обуславливающие возможности воспроизводства населения; интеллектуально-образовательные и «культурные» параметры, обуславливающие формирование его ценностной и духовно-нравственной основы, профессиональных навыков человека, а также возможности для научной и исследовательской деятельности, необходимые для творческого развития личности. С учётом выделенных элементов человеческого капитала в качестве направлений оценивания рассматриваются медико-демографические, образовательные, социально-экономические (формирующие доходное неравенство), «культурные» и научно-исследовательские процессы. При этом результативность каждого процесса представляется

как совокупная результативность отдельных частных процессов. Агрегирование показателей осуществляется методом аддитивной свёртки на том основании, что каждый из диагностируемых показателей является значимым для интегрального показателя и оказывает влияние на его величину, но при этом ни один из них не является критичным.

Диагностика дивергенции осуществляется на основе анализа динамики коэффициента вариации индикаторов развития социальных процессов, для которого должно выполняться следующее неравенство:

$$\sigma_{t+T} > \sigma_t,$$

где σ – коэффициент вариации, t – начало исследуемого периода, T – продолжительность периода, лет.

Для оценки совокупной результативности процессов формирования человеческого капитала используем индикаторы результативности частных процессов социального развития (с учётом их значимости для величины и качества человеческого капитала), представленные в [таблице 1](#), которые затем агрегируем по основным направлениям. В качестве информационной базы исследования используем официальные статистические публикации Росстата.

Поскольку все индикаторы имеют разную размерность, их агрегирование и формирование комплексных оценок выполнено с использованием метода линейного масштабирования, который позволяет привести показатели в сопоставимый вид на основе единой шкалы оценок. Агрегированные оценки результативности основных процессов социального развития, приведённые в сопоставимый вид, были использованы для сравнительного анализа, результаты которого отражены в [таблице 2](#).

Полагаем, что низкая результативность отдельных процессов формирования человеческого капитала по сравнению со среднероссийским уровнем (или средним по макрорегиону) может рассматриваться в качестве сверхнормативных выбросов неравномерности социально-экономического развития дальневосточных регионов.

Таблица 2

Нормированные показатели интегральной результативности процессов формирования человеческого капитала в 2018 г.

Территория	Демографические процессы	Процессы в здравоохранении	Формирование доходного неравенства	Образовательные процессы	Культура	Научно-инновационные процессы
РФ	3,4	5,0	3,0	3,0	4,0	0,5
ДФО	2,9	3,6	2,7	2,1	2,7	0,4
Забайкальский край	2,3	2,6	1,5	1,7	2,0	0,1
Республика Бурятия	2,2	3,0	2,5	1,5	1,8	0,1

Источник: рассчитано по: Региональная статистика. URL: https://www.gks.ru/regional_statistics (дата обращения: 06.03.2020).

Сравнение совокупной результативности процессов формирования человеческого капитала в дальневосточных субъектах РФ с аналогичными среднероссийскими показателями демонстрирует их отставание в развитии социальной сферы. Показатели социального развития социальной сферы Республики Бурятия и Забайкальского края ниже среднего уровня по ДФО.

Особенностью неравенства в развитии социальной сферы Забайкальского края, Республики Бурятия и остальных регионов Дальнего Востока является наличие дивергентных процессов по отдельным направлениям (*табл. 3*).

Таблица 3

Коэффициенты вариации интегральных социальных процессов

Наименование	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Интегральный медико-демографический процесс	23,3	25,7	23,5	23,3	20,9	23,0	29,9	30,3
Интегральный научно-образовательный процесс	80,7	81,2	79,7	82,0	82,5	82,5	83,6	84,0
Интегральный процесс развития культуры	41,7	26,1	31,1	25,5	23,6	31,6	31,4	30,1
Интегральный процесс формирования уровня жизни	53,7	43,9	43,5	43,6	42,1	43,0	40,9	47,7

Источник: рассчитано по: Региональная статистика. URL: https://www.gks.ru/regional_statistics (дата обращения: 06.03.2020).

Динамика коэффициента вариации свидетельствует о сигма-расходимости медико-демографических и научно-образовательных процессов, то есть фактически половина процессов социального развития в присоединённых регионах не только отстают от уровня социального развития среднего по ДФО, но и имеют противоположную динамику. Таким образом, включение Республики Бурятия и Забайкальского края в состав ДФО формирует «сверхнормативное» неравенство в развитии социальной сферы всего макрорегиона.

Низкие показатели социального развития в Забайкальском крае и Республике Бурятия, сохраняющиеся на протяжении последних десятилетий, на фоне положительной динамики этих показателей по стране, отражают негативные тенденции в регионах, свидетельствуют об их социальном неблагополучии (*табл. 4*).

За полтора десятилетия численность населения снизилась, при этом в Забайкалье это снижение составило почти 30%. Увеличение численности безработных с высшим и средним профессиональным образованием (более чем в 2–3 раза) отражает постепенное снижение человеческого капитала. На этом фоне наблюдается рост потребления алкоголя и наркотиков, что, в свою очередь, вызывает рост преступности и ДТП, приводит к распространению уголовной «романтики» в молодёжной среде, росту детской преступности и суицида. С 1993 г. Забайкальский край входит в группу субъектов РФ со сверхвысокой смертностью населения по причине самоубийств и детской преступности [7].

В условиях объективно сложившегося неравенства дальневосточных регионов дивергенция в сфере социального развития между «старыми» и «новыми» субъектам РФ в составе ДФО будет способствовать формированию «сверхнормативного» неравенства и расширению зоны «социального неблагополучия» в федеральном округе в новых границах.

Таблица 4

Динамика индикаторов социального неблагополучия
по регионам Восточного Забайкалья

Показатель	Забайкальский край			Республика Бурятия		
	2000	2018	темп прироста / сокращения, %	2000	2018	темп прироста / сокращения, %
Численность населения, тыс. человек	1 375,0	1 073,0	–22,0	1 038,0	985,0	–5,1
Безработные с высшим образованием, % от общей численности безработных	4,0	9,3	5,3*	3,3	14,4	11,1*
Безработные со средним профессиональным образованием, % от общей численности безработных	12,4	26,9	14,5*	13,1	43,3	30,2*
Преступность на 100 тыс. человек населения	2 368,0	2 509,0	6,0	2 391,0	2 399,0	0,3
Число зарегистрированных ДТП	110,3	129,5	17,4	130,1	134,3	3,2
Число зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков	1 928,0	1 712,0	–11,2	1 240,0	1 564,0	26,1
Потребление алкоголя, дал	1 455,3	1 794,4	23,3	1 309,0	1 322,6	1,0

Примечание. * – абсолютное изменение.

Источник: рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения: 06.03.2020).

Неравномерность социально-экономического развития Дальнего Востока формируется различными векторами развития отдельных территорий в его составе. В пространстве макро-региона определяются две крупные зоны: «северная дуга» с концентрацией добывающих производств, и «южная дуга» – высоко- и среднетехнологичных перерабатывающих производств и сферы услуг.

На территории Восточной Сибири сосредоточены запасы цветных металлов, энергетических и лесных ресурсов; транспортные коридоры, связывающие Дальний Восток не только с центральными регионами страны, но и с сопредельными иностранными государствами. Здесь расположены пункты международных транспортных переходов в КНР и Монголию. Физико-географические условия обусловили структуру экономики регионов. Так, почти четверть ВРП Забайкальского края (22,6%) формируется за счёт реализации транспортных услуг, оптовой и розничной торговли (11,4%), добычи цветных металлов (золота, меди, молибдена), урана и угля (14%). Обработывающие производства, удовлетворяющие потребности внутреннего рынка, на протяжении последнего десятилетия создают не более 6% ВРП. Доля сельского хозяйства, преимущественно животноводства, не превышает 5%.

В Республике Бурятия наибольший вклад в ВРП вносят: оптовая и розничная торговля (15,8%), транспортные услуги (13,9%) и обрабатывающие производства (12,3%). На долю добывающей промышленности приходится 5,5% ВРП, сельского хозяйства – около 4,8%. Таким образом, структурные особенности экономики регионов Восточного Забайкалья усиливают социально-экономическое неравенство территорий ДФО в новых границах и обуславливают проблему определения эффективных механизмов его преодоления.

Использование в Восточном Забайкалье механизма создания «точек роста», достаточно распространённого в условиях использования отраслевых критериев управления пространственным развитием, в настоящий момент представляется достаточно проблематичным [3]. Добывающие предприятия, действующие на территории Забайкальского края и Республики Бурятия, в основном представляют интересы крупного иностранного и российского бизнеса федерального уровня. В частности, компания Хайлэнд Голд (Highland Gold Mining Limited) ведёт разработку и добычу золота на Новоширокинском, Дарасунском, и Талатуйском месторождениях Забайкальского края. ПАО «ГМК «Норильский никель» построен Быстринский горно-обогатительный комбинат, осуществляющий добычу и обогащение руды Быстринского месторождения золота, меди и железа. Освоение Удоканского месторождения меди начато ООО «Байкальская горная компания». Аналогичная ситуация и в Республике Бурятия: добычу вольфрама и золота на Барун-Нарынском месторождении осуществляет ООО «Группа Акрополь». Вполне очевидно, что интересы территорий и интересы перечисленных компаний не пересекаются, как параллельные прямые.

Что касается возможности формирования «точек роста» в пунктах расположения международных таможенных переходов и использования в качестве «моторной» отрасли «транспорт и связь», то барьером для реализации этого механизма является низкая численность населения, отсутствие крупных городов на пути экспортных товарных потоков, которые могли бы служить своеобразным фильтром, преобразующим часть экспортных потоков в продукцию и услуги и способствовать увеличению фонда накопления в самом регионе [8, с. 161].

Ещё одним, достаточно распространённым механизмом смягчения социального неравенства является система государственных трансфертов «отстающим» регионам на «подтягивание» их развития до среднероссийского уровня. Использование финансового механизма обеспечивает возможность создать для населения более или менее сопоставимые условия проживания, повысить стандарты качества жизни и безопасности, уровень потребления и т. д. Система государственных трансфертов имеет исключительно важное значение для формирования человеческого капитала. Кроме того, использование системы трансфертов в целях снижения остроты различного рода патологических ситуаций в социальной сфере представляется достаточно популярной политической повесткой. Однако следует отметить и негативные последствия использования этого механизма, которые проявляются прежде всего в усилении финансовой зависимости субъектов РФ от федерального центра и возможности введения в отношении неблагополучных регионов жёстких мер контроля за расходованием бюджетных средств. Так, в условиях высокой дотационности и закредитованности бюджетов Республики Бурятия и Забайкальского края Министерством финансов РФ были введены ограничения в отношении уровня их госдолга и бюджетного дефицита, что вынудило регионы сокращать объёмы оказания социальных услуг и выплат пособий, пересматривать в сторону уменьшения нормативы потребления социальных благ, снижать уровень и качество жизни, способствуя, таким образом, сокращению человеческого потенциала. Совершенно очевидно, что такое «выравнивание» не только не решает, но и ещё больше обостряет проблему за счёт перекладывания ответственности и нагрузки, связанных с её решением, на сами регионы [5].

В настоящий момент проблему «сверхнормативного» неравенства между регионами Дальнего Востока и включёнными в его состав регионами Восточного Забайкалья государство пытается решить, предоставляя Республике Бурятия и Забайкальскому краю так называемую дальневосточную субсидию. В течение трёх лет в бюджет Забайкальского края планируется направить 9,4 млрд рублей, а в бюджет Республики Бурятия – 6,6 млрд рублей. Средства будут использованы на строительство и реконструкцию различных социальных объектов в муниципалитетах, в которых создаются предприятия и рабочие места, то есть на создание центров экономического роста. Таким образом, «Единая дальневосточная субсидия», с одной стороны, призвана обеспечить решение проблемы выполнения поручений Президента РФ в отстающих регионах, с другой, способствовать улучшению условий жизни населения и привлечению инвесторов. При таких условиях создание центров экономического роста возможно только в столицах регионов (городах Чита и Улан-Удэ). Слабая заселённость территорий, «вымывание» человеческого капитала, обезлюдение сельских поселений, закрытие в них промышленных и сельскохозяйственных предприятий вызывают сомнения в возможности кардинального изменения положения, по крайней мере, в ближайшей перспективе, как это планирует Правительство РФ [8]. Очевидно, что для предотвращения массовой миграции и привлечения на территорию Забайкалья и Бурятии населения из других регионов России и ближнего зарубежья, строительства и восстановления учреждений и объектов социальной сферы «Единой дальневосточной субсидии» недостаточно. Необходима система взаимосвязанных мероприятий, определённых в демографической и социальной политике РФ. В их отсутствии решение проблемы «сверхнормативного» неравенства переносится исключительно на уровень самих регионов. Однако при сложившейся структуре экономики и масштабах социального неблагополучия, решить проблему самостоятельно, в отрыве от других регионов Дальнего Востока, Республика Бурятия и Забайкальский край не в состоянии.

Включение «новых» территорий в состав макрорегиона увеличивает и без того значительный уровень дотационности консолидированных бюджетов дальневосточных субъектов РФ, создавая угрозу разбалансированности [6].

Выход из сложившейся ситуации представляется возможным на основе использования «коридора возможностей», формирование которого, по мнению Н. Зубаревич, основано на децентрализации и дерегулировании, предоставлении большей свободы госменеджменту на региональном уровне [2].

В практическом плане «коридор возможностей» может формироваться взаимосвязанными стратегиями социально-экономического развития субъектов РФ в составе федерального округа и согласовываться с национальной стратегией экономического развития. Взаимосвязь стратегий позволяет учесть возможности пространственного потенциала территорий, осуществить декомпозицию макроэкономических факторов роста и представить допустимые альтернативы.

Республика Бурятия и Забайкальский край, несмотря на имеющиеся проблемы социально-экономического развития, обладают природно-ресурсным потенциалом, системой международных пограничных переходов и таможенных пунктов пропуска на границе с КНР и Монголией, протяжённой сетью автодорог с твёрдым покрытием и развитым авиа- и железнодорожным сообщением между центральными, дальневосточными регионами РФ и странами ближнего и дальнего зарубежья. Совокупная численность населения данных регионов составляет около 2 млн человек, формирующих потенциально ёмкий рынок сбыта товаров и услуг, производимых на Дальнем Востоке. Имеющиеся возможности необходимо использовать в стратегии межрегионального взаимодействия в пространстве ДФО.

Представляется, что разработка системы взаимосвязанных стратегий дальневосточных субъектов РФ, с учётом имеющихся возможностей и особенностей социально-экономического развития каждого из них, в практическом плане может стать достаточно результативным дополнением к мероприятиям федеральной социальной и демографической политики в отношении макрорегиона и способствовать снижению «сверхнормативной» дифференциации территорий в его составе.

Заключение

Диагностика неравенства в социальной сфере регионов в новых границах ДФО выявила его «сверхнормативный» характер. Дивергенция характеризует значительную часть процессов, протекающих в социальной сфере Забайкальского края и Республики Бурятия. Последствия «сверхнормативного» неравенства проявляются в масштабах социального неблагополучия. В связи со спецификой структуры экономики регионов решение данной проблемы связано с участием Забайкальского края и Республики Бурятия в стратегии ускоренного развития Дальнего Востока.

Список литературы

1. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. 2014. № 4. С. 6–27.
2. Зубаревич Н.В. Государственное управление в пространстве Российской Федерации: коридор возможностей. URL: <https://iphras.ru/uplfile/philec/gou/zubarevich.pdf> (дата обращения: 10.06.2020).
3. Ковальчук Л.Б., Кравцова С.А. Создание территорий опережающего развития в Забайкалье: проблемы и перспективы // Известия Байкальского государственного университета. 2019. Т. 29. № 3. С. 491–498.
4. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: Теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: URSS, 2016. 368 с.
5. Леонов С.Н. Бюджетные стимулы регионального развития // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26. № 5. С. 723–730. [http://dx.doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26\(5\).723-730](http://dx.doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26(5).723-730)
6. Леонов С.Н. Проблемы бюджетной сферы дальневосточных субъектов Федерации // Проблемы развития территории. 2020. № 1 (105). С. 93–108.
7. Маркова О.А., Кошелев М.С., Суходолов Я.А. Анализ миграционной преступности в Забайкальском крае, её влияние на криминогенную обстановку в регионе // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 2. С. 211–219. [http://dx.doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(2\).211-219](http://dx.doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(2).211-219)
8. Тихоокеанская Россия – 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / под ред. П.А. Минакира. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 557 с.
9. Тюнен И.Г. Изолированное государство. М.: Экономическая жизнь, 1926. 338 с.
10. Becker G.S. Human Capital. New York: Columbia University Press, 1964. 392 p.
11. Christaller W. Die zentralen Orte in Süddeutschland: Eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmässigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischen Funktionen. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968. 331 p.
12. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1999. 367 p.
13. Krugman P.R. Geography and Trade. Cambridge: MIT Press, 1991. 142 p.

References

1. Zubarevich N.V. Regional Development and Regional Policy in Russia. *EKO = ECO Journal*. 2014. No. 4. Pp. 6–27. (In Russian)
2. Zubarevich N.V. *Public Administration in the Space of the Russian Federation: A Corridor of Opportunities*. Available at: <https://iphras.ru/uplfile/philec/gou/zubarevich.pdf> (accessed 10 June 2020). (In Russian)
3. Kovalchuk L.B., Kravtsova S.A. Establishment of Priority Development Areas in Transbaikalia: Problems and Prospects. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*. 2019. Vol. 29. No. 3. Pp. 491–498. (In Russian)
4. Leksin V.N., Shvetsov A.N. *State and Regions: Theory and Practice of State Regulation of Territorial Development*. Moscow, 2016. 368 p. (In Russian)
5. Leonov S.N. Fiscal Incentives for Regional Development. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Baikal State University*. 2016. Vol. 26. No. 5. Pp. 723–730. [http://dx.doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26\(5\).723-730](http://dx.doi.org/10.17150/2500-2759.2016.26(5).723-730) (In Russian)
6. Leonov S.N. Problems of Budgetary Sphere of the Far Eastern Constituent Entities of the Federation. *Problemy razvitiya territorii* [Problems of Territory's Development]. 2020. No. 1 (105). Pp. 93–108. (In Russian)
7. Markova O.A., Koshelev M.S., Sukhodolov Ya.A. Analysis of Migrant Crime in Zabaikalsky Region, Its Influence on the Criminogenic Situation in the Region. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal* [Russian Journal of Criminology]. 2018. Vol. 12. No. 2. Pp. 211–219. [http://dx.doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12\(2\).211-219](http://dx.doi.org/10.17150/2500-4255.2018.12(2).211-219) (In Russian)
8. *Pacific Russia – 2030: Scenario Forecasting for Regional Development*. Ed. by P.A. Minakir. Khabarovsk, 2010. 557 p. (In Russian)
9. Tyunen I.G. *Isolated State*. Moscow, 1926. 338 p. (In Russian)
10. Becker G.S. *Human Capital*. New York: Columbia University Press, 1964. 392 p.
11. Christaller W. *The Central Places in Southern Germany: An Economic-Geographical Study of the Regularity of the Distribution and Development of Settlements with Urban Functions*. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968. 331 p. (In German)
12. Fujita M., Krugman P., Venables A.J. *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 1999. 367 p.
13. Krugman P.R. *Geography and Trade*. Cambridge: MIT Press, 1991. 142 p.

■ ■ ■
Для цитирования:

Ковальчук Л.Б. Диагностика неравенства в социальной сфере дальневосточных субъектов РФ // Регионалистика. 2021. Т. 8. № 1. С. 56–67. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.56>

For citing:

Kovalchuk L.B. Diagnostics of Inequality in the Social Sphere of the Far Eastern Regions of the Russian Federation. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2021. Vol. 8. No. 1. Pp. 56–67. <http://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.1.56> (In Russian)

■ ■ ■